
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 321

ОБ ОДНОМ ВАЖНОМ УСЛОВИИ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА

ON ONE IMPORTANT CONDITION OF POLITICAL CONSENSUS POSSIBILITY

А.И. Швырков
A.I. Shvyrkov

Брянский государственный технический университет
Россия, 241035, г. Брянск, бул. 50-лет Октября, 7

Bryansk State Technical University.
7 Bulvar 50-letiya Oktyabrya, Bryansk, 241035, Russia

E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

Аннотация

Политика невозможна без коммуникации. Коммуникация по поводу политических проблем подразумевает генерацию достаточно сложного дискурса. В свою очередь, сложный дискурс всегда основан на политической теории, понимание же теории никогда не бывает однозначным. Необходимо возникает вопрос, как в этом случае возможен политический консенсус? Помощь в ответе на этот вопрос может оказать теория вероятности. Действительно, если набор тех или иных политических альтернатив ограничен – а он всегда ограничен доступным политикам набором теорий (поскольку почти все альтернативы содержатся в теориях) – то вероятность того, что рано или поздно сложится такая ситуация, когда наберется достаточное количество политиков, поддерживающих какую-то одну из альтернатив, достаточно велика. При этом даже нет необходимости в том, чтобы они одинаково понимали то решение, на котором они сошлись. Главное – чтобы оно было сформулировано на языке известных им теорий, точнее, с помощью тех слов, которые все они знают. «Знают» – значит просто пользуются. Роль политической теории, поэтому, состоит в том, чтобы, во-первых, обеспечить политическую коммуникацию словарем, а во-вторых – очертить конечный набор альтернативных решений.

Abstract

Politics is impossible without communication. Communication concerning political problems implies the generation of a rather sophisticated discourse. In turn, a sophisticated discourse is always based on political theory. But our understanding of the theory is always ambiguous. The question arises in this case, how is political consensus possible? The help can be provided by probability theory. Indeed, if a set of certain political alternatives is limited – it is always limited by theories available to politicians since almost all alternatives are contained in theory – then the probability that sooner or later there will be enough politicians who support one of these alternatives is quite high. In this case, even there is no need for these politicians to understand this alternative in the same way. The main thing is that the alternative must be formulated in the language of the theories known to them. More precisely, they all have to know words which the theory provides. “Know” means simply use. The role of political theory, therefore, is to provide political communication with the dictionary and to delineate the limited set of alternative decision.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, набор альтернатив, теория, политический консенсус.

Keywords: discourse, communication, set of alternatives, theory, political consensus.

Одна из важнейших проблем, связанных с научными теориями вообще и с теориями политологическими в частности – это *отсутствие уверенности в правильности их понимания теми, кто их использует*.

То же самое касается дискурса. Какие бы методы мы ни изобретали, чтобы понять, что именно имел в виду автор того или иного текста – представленного либо устно, либо письменно – особой уверенности в том, что мы понимаем этот текст так же, как его автор, у нас все равно нет. Но раз у нас нет такой уверенности, не следует ли предположить – для строгости выводов, разумеется, – что мы в принципе не способны понять чью-либо мысль и во всех дальнейших построениях исходить именно из этого предположения. Но как же тогда быть с политикой и, главное, *политическим консенсусом*? Ведь она невозможна без коммуникации, политика сама – особый вид коммуникации. Коммуникация же подразумевает понимание.

Что касается ученых и философов, работы которых так или иначе послужили «подспорьем» в моем исследовании, то хочу отметить следующих из них. Прежде всего, следует назвать работы М. Фуко, посвященные исследованию дискурса [Фуко, 2010]. Также чрезвычайно полезным оказалось для меня чтение работ Х. Арндт (прежде всего «О революции» и «Истоки тоталитаризма» [Арндт, 1996; 2011]). То же касается работ и Р. Козеллека [Козеллека, 2005].

Отдельного упоминания заслуживает Кембриджская школа истории понятий, в особенности К. Скиннер [Скиннер, 2005; 2006; Skinner, 1974], и Дж. Покок [Россок, 1971; 2009].

В качестве объекта исследования выступает понимание как социокультурный феномен.

Предмет исследования – понимание в процессе политической коммуникации.

Что касается методов исследования, то помимо традиционно используемых в любом научном исследовании (как то анализ и синтез, сравнительный метод, исторический метод и т. д.), мы будем руководствоваться восходящему еще к Декарту (а то и Аристотелю) тезисом, в соответствии с которым при построении тех или иных рассуждений следует исходить только из самых простых, ясных и очевидных положений. Также мы будем существенным образом опираться на наработки дискурс-анализа.

Прежде всего, следует несколько слов сказать о политических теориях, политическом же дискурсе и, главное, их отношении друг к другу.

Теорию мы понимаем в самом узком и, так сказать, классическом смысле как состоящую из наиболее общих положений. В этом смысле так называемые теории среднего и тем более нижнего уровня абстракции вообще теориями не являются. При этом мы признаем возможность существования теоретических положений (высказываний), не образующих теории. Другими словами, мы допускаем наличие в текстах, не являющихся теориями в вышеприведенном понимании, высказываний, представляющих собой широкие теоретические обобщения. Благодаря такой своей природе подобные высказывания вполне могут войти в ту или иную теорию или даже составить теорию.

Политический дискурс – это дискурс, который:

- 1) производится политическим субъектом;
- 2) является публичным;
- 3) «нагружен» интересом того, кто его производит.

Под политическим субъектом мы понимаем того, кто борется за политическую власть или уже обладает такой властью (если такие существуют – ведь, пожалуй, даже тот, кто вроде бы обладает властью, все равно все время должен бороться за ее сохранение).

Дискурс всегда обращен к некоторой аудитории. Именно поэтому и сказано, что он публичен. Другое дело, что в разное время и при разных обстоятельствах аудитория эта существенно разная: немногочисленная при феодализме и охватывающая почти все население при демократии.

Интерес производителя дискурса может пониматься как угодно: от совершенно корыстного до альтруистического.

Совпадает ли политический дискурс с идеологическим? Если даже формально такие дискурсы и можно разделить, практически – это нереально. Поэтому мы будем счи-

тать, что любой политический дискурс является идеологическим, а любой идеологический дискурс – политическим¹.

Политический дискурс, как правило, основан на той или иной политической теории. Однако создание политической теории еще не означает автоматический «запуск» соответствующего дискурса. Пока идеи теории не попали в социально-политическую реальность, она, теория, можно сказать, лежит мертвым грузом. Попадание же идей, сформулированных в теории, в политический дискурс становится возможным только тогда, когда появляется группа людей, более-менее хорошо знакомая с теорией и систематически ее использующая с целью изменения политической реальности. Более конкретно: теория переходит в дискурс тогда, когда к идеям, в ней изложенным, начинают систематически апеллировать в политических дискуссиях, обосновывать с помощью этих идей те или иные конкретные преобразования политических и прочих институтов и т. д. Люди, апеллирующие к той или иной теории, могут искренне в нее верить, а могут просто использовать ее как «информационное прикрытие». Однако в любом случае – верят они или нет – «перетекание» теории в дискурс происходит [Скиннер, 2006; Skinner, 1974].

Часто связь между теорией и политическим дискурсом опосредована как минимум еще одним звеном, еще одним видом дискурса – научным. Действительно, политики обычно начинают использовать идеи, изложенные в той или иной теории, лишь после того, как теория прошла «обкатку» в научной среде, в научных дискуссиях. Эти дискуссии могут происходить в разных формах – собственно дискуссиях, на страницах научной печати и т. д. Более того, между «попаданием» теории в научную среду и началом ее использования в среде политической может пройти довольно много времени.

Каковы критерии, позволяющие определить, что некоторая теория пригодна к использованию в политической борьбе? В первом приближении сегодня можно указать (помимо того, естественно, очевидного факта, что она должна касаться устройства общества), что она должна, вероятно, содержать некие более-менее конкретные рекомендации по преобразованию общества. Хотя этот вопрос еще нуждается в прояснении. Возможно, что кроме того «очевидного факта», который был приведен в скобках, никаким другим критериям теория удовлетворять не должна.

Следует отметить, что людей, непосредственно знакомых с теорией, как правило, не так и много. Чаще всего люди получают представление о тех или иных идеях, в ней, теории, рассматриваемых, из дискурса. Понятно, что в этом случае их знакомство с теорией может оказаться довольно поверхностным².

Одна теория может порождать несколько дискурсов. В одном дискурсе могут себя проявлять несколько теорий. Любой дискурс, очевидно, куда менее структурирован, чем теория. Можно также предположить, что чем мощнее теория, тем мощнее порожденные ею дискурсы.

Теория порождает дискурс, однако можно ли утверждать, что между теорией и дискурсом существует некое отношение подобия, так сказать, изоморфизм? Однозначно этого утверждать нельзя. На наш взгляд, метафора порождения здесь действительно наиболее удачна. Другими словами, отношения между теорией и дискурсом примерно такие же, как между родителями и детьми: хотя родители и порождают детей, дети не тождественны родителям и могут быть (становятся) вполне от них независимыми. Непосредственным следствием этого предположения является то, что теория и порожденный ею дискурс могут развиваться (изменяться) достаточно независимо друг от друга. Другими словами, изменения в теории вовсе не обязательно влекут за собой изменения в дискурсе (по крайней мере, немедленные и непосредственные). Теория может уйти далеко вперед, тогда как дискурс будет «топтаться на месте» или вообще может исчезнуть. То есть здесь мы имеем расхождение в скорости и ритме изменений – расхождения количественного плана. Однако возможны и расхождения каче-

¹ О том, как автор понимает идеологию, см. [Швырков, 2017].

² Фразу «знакомство с теорией» следует понимать совершенно формально. Человек знаком с теорией, если он может воспроизвести некоторое количество основных идей, в ней сформулированных, или даже просто пользоваться некоторыми терминами, присутствующими в теории (возможно даже не зная, из какой теории они взяты).

ственные, а именно, когда дискурсы и теории могут трансформироваться в соответствии с существенно разными законами.

Можно ли, далее, утверждать, что попадая в дискурс, теория «искажается», «извращается», «упрощается» и т. д.? Вряд ли. Приведенные в кавычках термины и подобные им подразумевают, что существует какое-то одно правильное понимание теории и что оно может (и даже должно) быть каким-то образом «достигнуто», «получено» и т. п. Однако, строго говоря, даже сам автор не может утверждать, что он «правильно» понимает свою теорию, поскольку акт творения и акт понимания – это два отдельных акта. Поэтому да, теория порождает дискурс, теория поставяет слова для дискурса, теория обеспечивает дискурсу авторитет и т. д., и т. п., однако говорить, что дискурс – это искаженный вариант теории, означает примерно то же самое, что сказать, что дети – это искаженный вариант родителей.

Противоречия между двумя теориями могут быть сняты в результате создания синтетической теории, то есть теории, которая включит в себя две исходные теории как частные случаи. Для противоречащих друг другу дискурсов существование подобного метадискурса не требуется. Противоречащие друг другу утверждения, принадлежащие разным дискурсам, вполне могут сосуществовать в одном поле дискурса¹. То же самое касается антагонистических дискурсов, то есть дискурсов, основанных на антагонистических теориях (например, либерализме и коммунизме). Сегодняшняя политика дает множество примеров этого (связано это, очевидно, с неопределенностью «идеологической ситуации»)².

Однако почему же политики вынуждены обращаться к политической теории?

Спрос на социально-политические теории – в любой форме – всегда коррелирует с коммуникацией (хотя следует избегать постулировать наличие в данном случае причинно-следственной связи)³. Коммуникация по поводу сложных объектов – а именно таковыми являются государства, их политическое устройство и проч. – подразумевает сложный словарь, который можно найти только в теориях. Ближайшее следствие – упрощение политической жизни всегда сопровождается (не обязательно приводит!) обеднением используемого политиками словаря, уменьшению количества теорий, на которые они ссылаются.

После такого предварительного рассмотрения мы теперь можем легко сформулировать ответ на поставленный в начале статьи вопрос.

Каждый политик преследует свои цели, движим мотивами, которые могут быть глубоко индивидуальными и часто досконально неизвестными даже ему самому. Поскольку сфера политики, как было сказано – это прежде всего сфера коммуникации (причем по поводу исключительно сложных объектов, явлений и проч.), он, политик, не может не использовать достаточно сложную лексику для того, чтобы добиваться своих целей. Такую лексику могут обеспечить только политические теории. При этом вовсе не обязательно, чтобы политик понимал теорию, из которой он черпает слова, так, как её понимал её автор. Главное, чтобы он мог соединять слова в соответствии с общими правилами грамматики (или не слишком эти правила нарушая).

Политики, с которыми коммуницирует данный политик, как правило, владеют примерно тем же словарем, что и он – просто в силу, так сказать, временного и пространственного совпадения их жизней, сходства образования, социального положения, воспитания и т. д. (что, разумеется, не обязательно означает, что они движимы теми же мотивами, что и он, что они понимают ту или иную ситуацию сходным с ним образом).

Итак, почему же, несмотря на возможность очень разного понимания ими теории, политики в конце концов способны приходиться к «консенсусу»?

Думаю, уместней всего здесь будет сослаться на теорию вероятности. Действительно, если набор альтернатив ограничен – а он всегда ограничен доступным политикам набором теорий – то вероятность, что рано или поздно сложится такая ситуация, когда наберется до-

¹ О поле дискурса – см., например, [Йоргенсен, 2008].

² «...реальная политика в РФ демонстрирует подчас такое постмодернистское смешение стилей и образов реальности (классический пример – идеологическое варево из официоза и графоманства, представленное Александром Прохановым), что по степени абсурдности и нелогичности превосходит самую смелую фантастическую выдумку» [Ковалев, 2008, с. 46].

³ С развитием демократизации общества повышается роль коммуникаций, а значит и увеличивается спрос на хорошо структурированный дискурс [Мангейм, 2000].

статочное количество политиков, которые будут поддерживать какую-то одну из альтернатив – вне зависимости от того, что каждым из них при этом будет двигать – достаточно велика.

При этом, повторимся, даже нет необходимости в том, чтобы они одинаково понимали, что это за решение, на котором они сошлись (например, какими будут его последствия и т. п.)¹. Главное – чтобы оно было сформулировано на языке известных им теорий (или, точнее, с помощью тех слов, которые все они знают; знают – значит просто пользуются).

Роль теории, поэтому, состоит в том, чтобы, во-первых, обеспечить политическую коммуникацию словарем, а во-вторых – очертить конечный набор альтернативных решений.

Выводы, которые были получены в ходе анализа, можно распространить на любые политические коммуникации, в любой среде, между любыми акторами.

Очевидно, что чем менее образована публика, тем беднее ее словарь, тем примитивней порождаемый ею дискурс, тем с меньшим количеством альтернатив она может быть ознакомлена и тем проще эти альтернативы должны быть сформулированы².

Как показал К. Скиннер, принятый в данный конкретный период словарь (парадигма) накладывает достаточно жесткие ограничения на характер дискурса³. А те, кто ищет «политической легитимации и поддержки своих воззрений... вынуждены в своих действиях исходить или по крайней мере состыковываться с дискурсами своей эпохи: доступными тогда, осмысленными и введенными в оборот, – а не просто брать какую угодно идею, которая якобы заработает сама. Ораторы могут исказить язык в своих целях, но исторически сложившиеся языки устроены так, что с их ограничениями приходится считаться» [Пик, Растин, 2010]⁴.

При этом совершенно не редки ситуации, когда слов не хватает. То есть ситуации, когда у политиков не хватает слов, чтобы выразить то, что они хотели бы выразить, или что следовало бы выразить. Ситуация эта, очевидно, связана либо с недостатком необходимой теории, либо с недостатком освоенной теории⁵.

Можно ли, далее, утверждать, что наделяя нас словами, творец теории (или производитель дискурса – сказать «творец» по отношению к дискурсу как-то язык не поворачивается) тем самым хотя бы отчасти наделяют нас своим сознанием? Ответ на этот вопрос зависит от того, что считать сознанием. Если мы связываем сознание (мышление) только лишь со словами, тогда ответ должен быть положительным (или отчасти положительным). Однако сознание – это не только слова. В противном случае мы бы давно уже создали пресловутый искусственный интеллект.

Политика невозможна без коммуникации. Коммуникация по поводу сложных политических проблем – а какие политические проблемы не являются сложными? – подразумевает генерацию достаточно сложного дискурса. В свою очередь сложный политический дискурс всегда основан на политической теории. Понимание же теории никогда не бывает однозначным (точно так же, разумеется, как и дискурса).

Необходимо возникает вопрос, как в этом случае возможен политический консенсус?

Помощь в ответе на этот вопрос может оказать теория вероятности. Действительно, если набор тех или иных политических альтернатив ограничен – а он всегда ограничен доступным политикам набором теорий – то вероятность, что рано или поздно сложится такая ситуация, когда наберется достаточное количество политиков, поддерживающих какую-то одну из альтернатив, достаточно велика. При этом даже нет необходимости в том, чтобы они одинаково понимали, в чем суть данной альтернативы. Главное, чтобы то решение, которое они совместными усилиями приняли, было сформулировано на языке

¹ Как пишет Бернард Уильямс, «условия, при которых теория или любая ее интерпретация имеет смысл для интеллигентных людей, зависят от непрозрачного конгломерата многих действий и сил» [Williams, 2005, с. 28].

² Вопрос о толковании тех или иных фактов разным аудиториям рассматривался в [Шви́рков, 2009]. Нередко такие толкования оказываются в корне различными.

³ Анализ конкретного случая – см., например, [Skinner, 2005].

⁴ Может возникнуть резонный вопрос: почему именно *этой* словарь? Потому ли, что он кому-то выгоден, или просто потому, что другого нет? По мнению автора, более предпочтителен второй вариант

⁵ Для того чтобы теория оказалась «освоенной», необходимо довольно много времени. Как уже говорилось, для того чтобы идеи (*слова*) из теории попали в дискурс, могут понадобиться десятки, а то и сотни лет.

всем им известных теорий, с помощью слов, заимствованных из этих теорий и им, политикам, известны («известны», значит просто *используется*).

Таким образом, основная роль политической теории в политическом процессе состоит в том, чтобы, во-первых, обеспечить политическую коммуникацию словарем, а во-вторых – очертить конечный набор альтернативных решений.

Как видим, приведенные выше рассуждения строились на очень небольшом количестве допущений, причем довольно слабых. Очевидно, этот факт существенно повышает достоверность тех выводов, к которым мы в результате этих рассуждений пришли.

Список литературы

References

1. Арендт Х. 1999. Истоки тоталитаризма. М., ЦентрКом, 672.
Arendt H. 1999. Istoki totalitarizma. M., TsentrKom, 672.
2. Арендт Х. 2011. О революции. М., Издательство «Европа», 464.
Arendt H. 2011. O revolyutsii. M., Izdatel'stvo «Yevropa», 464.
3. Йоргенсен М.В., Филипс Дж. 2008. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х., «Гуманитарный Центр», 352.
Yorrensen M.V., Filips Dzh. 2008. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. KH., «Gumanitarnyy TSentp», 352.
4. Ковалев В.А. 2008. Наше фантастическое будущее. Политические дискурсы и политические прогнозы в современной российской фантастике: за и против (I). Политика, 1(48): 42-64.
Kovalev V.A. 2008. Nashe fantasticheskoye budushcheye. Politicheskiye diskursy i politicheskiye prognozy v sovremennoy rossiyskoy fantastike: za i protiv (I). Politiya, 1(48): 42-64. (in Russian).
5. Козеллек Р. 2005. Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу. Київ, Дух і літера, 380.
Kozellek R. 2005. Mynule maybutnye. Pro semantyku istorychnoho chasu. Kyiv, Dukh i litera, 380.
6. Мангейм К. 2000. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем. В кн.: Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М., СПб., Университетская книга, 94-233.
Mangeym K. 2000. Problema intelligentsii. Issledovaniya yeye roli v proshlom i nastoyashchem. V kn.: Mankheym K. Izbrannoye: Sotsiologiya kul'tury. [Mannheim K. The problem of the intelligentsia. Studies of its role in the past and present]. M., SPb., Universitetskaya kniga, 94-233.
7. Пик Д., Растин М. 2010. Введение в Квентина Скиннера: интерпретация в психоанализе и в истории. URL: // <http://gefter.ru/archive/9683> (дата обращения: 17.06.2017).
Pik D., Rastin M. 2010. Vvedeniye v Kventina Skinnera: interpretatsiya v psikhoanalize i v istorii. URL: // <http://gefter.ru/archive/9683> (data obrashcheniya: 17.06.2017).
8. Скиннер К. 2006. Свобода до либерализма. СПб, Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 120.
Skinner K. 2006. Svoboda do liberalizma. SPb, Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 120.
9. Скиннер К. 2005. Язык и политические изменения. Логос, 3(48): 143-152.
Skinner K. 2005. YAzyk i politicheskiye izmeneniya. Logos, 3(48): 143-152.
10. Фуко М. 2010. История безумия в классическую эпоху. М., АСТ МОСКВА, 698.
Fuko M. 2010. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu. M., AST MOSKVA, 698.
11. Швырков О.И. 2009. Складові політичних подій. Політичний менеджмент. 4: 91-98.
Shvyrkov O.I. 2009. Skladovi politichnikh podiy. Politchniy menedzhment. 4: 91-98.
12. Швырков А.И. 2017. Идеология как ретроспективное понятие. Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 1. Вып. 41: 195-198.
Shvyrkov A.I. 2017. Ideologiya kak retrospektivnoye ponyatiye. Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. 1. Vyp. 41: 195-198. (in Russian).
13. Pocock J.G.A. 1971. Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. Chicago, University of Chicago Press, 290.
14. Pocock J.G.A. 2009. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge, Cambridge University Press, 296.
15. Skinner Q. 1974. The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole. In: Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J. H. Plumb. London, Europa Publications: 93-128.
16. Williams Bernard. 2005. In the Beginning was the Deed. Princeton, Princeton University Press: 174.